

ство въ пѣшимъ маршемъ изъ Читы въ Петровскій заводъ въ 1830 г. Любопытно отмѣтить съ какимъ жаднымъ вниманіемъ декабристы ловили свѣдѣнія о политическихъ событіяхъ въ Европѣ. Уже подходя къ Петровскому заводу, гдѣ ихъ ожидалъ вновь выстроенный казематъ, они получили вѣсть о июльской революціи во Франціи. Всѣ оживились и весело, съ пѣснями, вошли въ стѣны своей Бастиліи.

Въ четвертомъ отдѣлѣ напечатаны письма Кюхельбекера къ Оболенскому, письма Вадковскаго къ Оболенскому, письма Якубовича къ Лепарскому и письма Оболенскаго къ Кишкину. Всѣ эти письма въ совокупности даютъ не мало выразительныхъ чертъ жизни декабристовъ въ Сибири за то время, когда они, отбывъ каторгу, вышли на поселеніе, а въ перепискѣ Оболенскаго имѣются и письма болѣе позднія, когда Оболенскій, уже возвращенный въ Европейскую Россію, жилъ въ Калужской губерніи и съ жаднымъ вниманіемъ слѣдилъ оттуда за подготовкой крестьянской реформы. Наконецъ, тутъ же напечатаны краткія воспоминанія декабриста Батенкова о Спираскомѣ.

Всѣ эти документы сопровождаемы подробнымъ историко-литературнымъ комментариемъ, выполненнымъ съ той тщательностью и знаніемъ дѣла, за которыя ручается имя Б. Л. Модзалевскаго. Столь же серьезны и обстоятельны и комментаріи Ю. Г. Оксмана. Вся книга заключается двумя статьями: въ статьѣ С. А. Переселенковой «Огаревъ и декабристы» приведено съ подлинниковъ въ полномъ видѣ много стихотвореній Огарева, которыя ранѣе печатались съ большими урѣзками и съ неисправнымъ текстомъ. Въ статьѣ Е. Б. Покровской собраны сужденія о декабристахъ Достоевскаго, разсыпанныя и по «Дневнику писателя» и по его романамъ.

А. Кизеветтеръ.

Der Staat, das Recht und die Wirtschaft des Bolschewismus,
I Teil, 1925 (Archiv für Rechts und Wirtschaftsphilosophie, Bd.
XVIII, Heft 4, Sondernummer).

Редакторы солиднаго нѣмецкаго философски-правового журнала (являющагося органомъ международной ассоціаціи для изученія теоріи права и хозяйства) возымѣли интересную мысль посвятить нѣсколько выпусковъ своего изданія изслѣдованію правовой, государственной и хозяйственной идеологіи русскаго большевизма. Они обратились для этой цѣли къ ряду нѣмецкихъ и русскихъ ученыхъ, — среди послѣднихъ одинаково къ представителямъ современной официальной Россіи, къ советскимъ ученымъ и къ эмигрантамъ. Однако, на призывъ журнала откликнулись лишь русскіе ученые, проживающіе за рубежомъ; находящіеся въ Россіи отказались отъ этого участія: одни — официальные дѣятели — изъ презрѣнія къ «буржуазному журналу», другіе, повидимому, благодаря явной невозможности свободно высказывать свои взгляды, оставаясь подъ властью ГПУ. Изъ поклонниковъ современныхъ «властей предержавшихъ» только одинъ П. С. Коганъ, къ своему отчаянію не смогшій во время вытребо-

вать свою статью обратно, наградила журналъ пошлѣйшей и вульгарнѣйшей стряпней, посвященной современной большевистской литературѣ...

Передъ нами первый выпускъ задуманнаго коллективнаго труда. Онъ распадается на два отдѣла: 1) Происхождение и сущность большевизма и 2) Большевистское государство. Обѣщанный къ концу года второй выпускъ, къ которому мы надѣемся своевременно вернуться, будетъ посвященъ: 3) Праву большевизма и 4) Хозяйству большевизма.

Первый отдѣлъ рецензируемаго выпуска содержитъ статьи: С. Л. Франка, Большевизмъ и коммунизмъ, какъ явленія духовной жизни, А. З. Штейнберга, Міросозерцаніе большевизма, Л. П. Карсавина, Религіозная сущность большевизма, Л. фонъ Визе, Идея свободы и большевизмъ и, наконецъ, уже упоминавшуюся статью П. С. Когана, Мистицизмъ и матеріализмъ въ большевистской литературѣ. Во второй отдѣлѣ вошли статьи: А. С. Изгоева, Отъ Маркса до Ленина (изъ исторіи русской интеллигенціи), Ф. фонъ Визера, Современныя диктатуры, Н. С. Тимашева, Оффиціальная правда, его же, Совѣтская конституція и А. А. Богольцова, Федерализмъ въ совѣтской Россіи.

Статьи С. Л. Франка и Л. П. Карсавина, написанныя съ большимъ литературнымъ умѣньемъ и мастерствомъ, не столько посвящены непосредственному анализу идеологій большевизма, сколько излагаютъ собственные систематическіе взгляды почтенныхъ авторовъ въ связи съ пережитыми событіями. Франкъ рѣзко противопоставляетъ «большевизмъ», какъ національно-русскую стихію, «коммунизмъ», какъ послѣдству и выродку секуляризаціонныхъ устремленій Запада, принципиально чуждыхъ, по его убѣжденію, русской душѣ. Карсавинъ, присоединяясь къ этой характеристикѣ, готовъ, однако, и въ коммунизмъ усмотрѣть разновидность исконнаго русскаго большевизма, лишь нѣсколько разжиженнаго внѣшней оболочкой европейской традиціи. Главное несчастье большевистскаго коммунизма, заявляетъ парадоксально авторъ, состоитъ въ томъ, что онъ является недостаточно «большевистскимъ», т. е. недостаточно русскимъ и православнымъ. По существу же, въ самомъ богоборчествѣ коммунизма живетъ исконная большевистски-русская религіозность... Врядъ ли европейскій читатель, на котораго рассчитанъ сборникъ, много вынесетъ изъ подобныхъ характеристикъ, обрѣтающихъ смыслъ лишь въ видѣ иллюстраціи къ новымъ евразійскимъ уклонамъ автора.

Статья А. З. Штейнберга, пытающаяся дать имманентный анализъ міросозерцанія большевизма, къ сожалѣнію, не вполне справляется со своей трудной задачей; она читается съ напряженіемъ и мысль автора остается расплывчатой и неопредѣленной. Л. фонъ Визе, справедливо усматривая основную сущность большевизма въ принципиальномъ отрицаніи свободы, къ сожалѣнію чрезвычайно упрощаетъ проблему, отождествляя социализмъ и коммунизмъ и до крайности вульгаризуя понятіе свободы, которое онъ отождествляетъ со стремленіемъ особи къ индивидуальному самосохраненію (?). П. С. Ко-

ганъ не за страхъ, а за совѣсть стремится увѣрить европейскаго читателя, что пролеткультская поэзія есть высшая точка достижений русской художественной литературы; въ пылу своихъ официальныхъ восторговъ онъ проявляетъ столь изумительное и безпардонное философское невѣжество, увѣряя, что мистицизмъ непрѣменно индивидуалистиченъ и абстрактенъ (?!), а материализмъ необходимо связанъ съ активизмомъ (?!), что его просто становится жалко: вѣдь онъ выступаетъ не передъ пролеткультской аудиторіей, а передъ философски образованнымъ европейскимъ читателемъ.

Открывающая собой второй отдѣлъ сборника статья А. С. Изгоева носитъ характеръ сухой исторической справки объ эволюціи русскаго марксизма и мало что даетъ для постиженія природы большевистскаго государства, кромѣ нѣсколькихъ мѣткихъ, но общезвѣстныхъ и уже избитыхъ характеристикъ Ленина, какъ «Пугачева изъ университета» и «великаго упростиеля». Почему при этомъ авторъ видитъ въ Ленинѣ воплощеніе народничества, которое ему, повидимому, гораздо болѣе ненавистно, чѣмъ марксизмъ, остается его личнымъ секретомъ. Статья почтеннаго австрійскаго экономиста Фр. Визера ставитъ себѣ неблагодарную задачу оправдать идею диктатуры, которую онъ разсматриваетъ какъ переходное звено къ созданію новаго правопорядка; ссылки на примѣры Рима, Кромвелля, Якобинцевъ, итальянскаго и испанскаго фашизма должны, по мысли автора, придать правдоподобіе его предположенію, что диктатура коммунистической партіи въ Россіи была неизбежнымъ средствомъ для заполнения пропасти между русской государственностью и народными массами и что она «какъ всякая диктатура путемъ напряженія интенсивности властвованія приведетъ къ новому болѣе высокому правовому состоянію». Утвержденія автора одинаково голословны и бездоказательны и по отношенію къ диктатурѣ вообще и въ особенности по отношенію къ диктатурѣ большевистской. Диктатура въ Римѣ была особымъ правовымъ институтомъ, предусмотрѣннымъ конституціей (нѣчто среднее между современнымъ понятіемъ осаднаго положенія и учредительной властью), и совершенно несоизмѣрима съ современными диктатурами. Диктатуры Кромвелля и якобинцевъ, какъ извѣстно, привели не къ созданію новаго правопорядка, а къ реставраціи стараго; итальянскій и испанскій фашизмъ несомнѣнные продукты послѣвоеннаго разложенья, задерживающіе правовое развитіе соответственныхъ странъ. Да и, отвлеченно говоря, вѣдъправовое насиліе, каковымъ всегда является диктатура, если не вѣрить въ чудотворное преображеніе сверху, можетъ приводить только къ разрушенію и разложенію правопорядка, а не къ возведенію его на высшую ступень. Что же касается Россіи, по отношенію къ которой самъ авторъ признаетъ себя малокомпетентнымъ, то онъ разсуждаетъ такимъ образомъ, будто на смѣну царскаго правительства непосредственно пришли большевики: февральскія революція и періодъ дѣятельности Временнаго правительства совершенно выпадаетъ изъ его разсужденій. Между тѣмъ то «болѣе высокое правовое состояніе», къ которому не въ результатѣ большевистской диктатуры, а въ результатѣ ея преодоленія придетъ (будемъ надѣять-

ся!) русский народ, открывалось передь нимъ въ 1-ый періодъ русской революціи безъ приписанныхъ имъ въ эпоху диктатуры и террора жертвъ.

Послѣ безсодержательно-прекраснодушныхъ разсужденій Визера читатель невольно отдыхаетъ надъ прекрасной и насыщенной содержаниемъ статьей Н. С. Тимашева — «Официальная правда» — самой удачной во всемъ сборникѣ. Это единственная работа, дѣйствительно удовлетворяющая тому заданію, которое должны были бы преслѣдовать всѣ русскіе авторы сборника: дать европейскому читателю освѣщеніе тѣхъ сторонъ большевистской идеологіи и совѣтской дѣйствительности, которыя ускользаютъ даже отъ пристального взора посторонняго наблюдателя, не пережившаго имманентно большевистскаго процесса. Н. С. Тимашевъ описываетъ въ своей статьѣ юридическую организацію того страшнаго духовнаго пресса, удушающаго всякое проявленіе свободной мысли, даже внутри самой коммунистической партіи, который является наиболѣе ужасающей особенностью большевистскаго режима. Одинъ за другимъ проходятъ передъ читателемъ органы духовнаго удушенія и гипноза отъ «главполитпросвѣта» до деревенскихъ читаленъ, призванныхъ къ осуществленію «культурной опеки» марксистскихъ рабочихъ надъ крестьянами. Не только Платонъ, Кантъ, Фихте и Гегель изъемяются органами большевистской инквизиціи, но даже сама антирелигіозная пропаганда дозволяется лишь въ рамкахъ коммунистическаго міросозерцанія... Европейскій читатель несомнѣнно во многомъ сможетъ обогатить свои познанія о большевистскомъ режимѣ, прочтя статью Тимашева. Другая статья того же автора, посвященная Совѣтской Конституціи, менѣе ярка и черезчуръ специальна; это скорѣе краткій конспектъ недавно вышедшей чрезвычайно цѣнной книги автора о совѣтскомъ государственномъ правѣ, (*Grundzüge des Soviet.ussischen Staatsrechts.—Osten opra Institut in Breslau*) чѣмъ рассчитанная на болѣе широкую публику информативная статья. Нельзя не отмѣтить также чрезвычайной спорности сближеній автора между идеологіей совѣтской конституціи и синдикализмомъ, являющимся въ существѣ своемъ, какъ это особенно ясно обнаружилось въ новѣйшей стадіи его развитія, крайнимъ антиподомъ большевизма.

Статья А. А. Боголѣпова, заканчивающая собой 1-ый выпускъ рецензируемаго сборника, содержитъ весьма обстоятельный и содержательный анализъ федерализма въ Совѣтской Россіи. Авторъ справедливо подчеркиваетъ, что коммунизмъ (и вообще марксизмъ*) идеологически глубоко враждебенъ федерализму и напоминаетъ, что въ первую фазу своего конституціоннаго творчества коммунисты рассматривали федерализмъ, какъ переходную ступень къ унитарному го-

*) Авторъ очень умѣстно приводитъ цитату изъ Энгельса (Критика Эрфуртской Программы), въ которой Энгельсъ заявляетъ, что пролетариату по плечу лишь централизованное унитарное государство и что необходимо разъ навсегда покончить съ предразсудкомъ федерализма.

сударству. Анализируя затѣмъ союзную совѣтскую конституцію 1923-го года и ея реальное примѣненіе Боголѣповъ приходитъ къ выводу, что она является лишь чисто словеснымъ украшеніемъ вполнѣ унитарно-централизованной формы государственнаго бытія. «Не измѣняя ни одного параграфа конституціи, заканчиваетъ авторъ свою статью, можно замѣнить заглавный титуль: «Союзъ Совѣтскихъ Соціалистическихъ Республикъ» другимъ названіемъ: «Унитарная Совѣтская Республика». — Представляя цѣнное специальное изслѣдование статья Боголѣпова грѣшитъ лишь тѣмъ недостаткомъ, что болѣе подходит въ *Jaß buch der öffentlichen Rechts*», чѣмъ въ философско-правовой сборникъ, рассчитанный на болѣе широкую публику.

Оглядываясь въ заключеніе на прорецензированный сборникъ, нельзя не признать его въ общемъ и цѣломъ весьма мало удавшимся. Большая часть статей не даетъ никакого конкретнаго представленія объ идеологии большевизма и не сообщаетъ читателю никакихъ новыхъ данныхъ для сужденія о ней. Поэтому врядъ ли можно признать оправданной надежду редакторовъ, что изданный ими коллективный трудъ поможетъ будущимъ поколѣніямъ и современникамъ разобраться въ послѣднихъ основахъ того грандіознаго взрыва, который именуется большевизмомъ. Ответственность за то, что поставленная задача оказалась невыполненной, падаетъ, думается мнѣ, на самихъ редакторовъ изданія, пожалуй, въ большей степени, чѣмъ на отдѣльныхъ авторовъ. Поставивъ себѣ исключительное по трудности заданіе, редакторы журнала попытались его разрѣшить чисто механическимъ способомъ, обратившись къ возможно большому числу русскихъ авторовъ, не сговорившихся предварительно и давшихъ рядъ болѣе или менѣе случайныхъ статей. Между тѣмъ, подобный трудъ могъ бы приобрести дѣйствительную цѣнность только если бы предварительно путемъ взаимнаго соглашенія авторовъ былъ бы выработанъ органической и точный планъ работы, какъ нѣкоего единаго цѣлаго; такой планъ вовсе не долженъ былъ бы исключать расхожденіе во мнѣніяхъ, которое отъ такой предварительной сговоренности только бы выиграло въ яркости и рельефности. Редакторы сильно облегчили свой трудъ, но этимъ нанесли непоправимый вредъ изданію. Приходится опасаться, какъ бы и II-ой выпускъ сборника (о правѣ и хозяйствѣ большевизма), къ которому мы надѣемся своевременно вернуться, не страдалъ тѣми же дефектами.

Г. Д. Гурвичъ.

М. Я. Феноменовъ. — Современная деревня. Опытъ краевѣдческаго обследования одной деревни. Ч. I. Производительныя силы деревни. 259 стр. — Ч. II. Старый и новый бытъ. 211 стр. Гос. Изд. Ленинград — Москва. 1925.

Наблюдавшійся сейчасъ повышенный интересъ къ жизни деревни болѣе, чѣмъ когда либо, законенъ и понятенъ. Здѣсь, въ деревнѣ находится ключъ къ пониманію Россіи завтрашняго дня. Не въ эфемерныхъ учрежденіяхъ, образующихъ вершину совѣтской госу-